

Е. В. Конышева^{ab}

<https://orcid.org/0000-0001-8094-5036>

✉ e_kon@mail.ru

^a Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал Центрального научно-исследовательского и проектного института Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации) (Россия, Москва)

^b Челябинский государственный университет (Россия, Челябинск)

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ОПТИКИ В ИЗДАНИЯХ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Аннотация. В статье анализируются современные тренды в научных исследованиях о советском градостроительстве и архитектуре сталинской эпохи. Представлен краткий обзор отечественных и зарубежных изданий последнего десятилетия, в которых отражены актуальные научные подходы. Автор утверждает, что на смену советской научной парадигме не пришла новая целостная научная концепция и существует множественность авторских интерпретаций. В исследованиях преобладает междисциплинарный подход, что дает импульс обогащению проблематики, источников и исследовательских методов. Автору представляется, что основным исследовательским трендом является смещение оптики с объекта на процессы и контексты, в рамках которого доминируют тема взаимоотношения власти и профессионального сообщества, внимание к формам и механизмам государственного регулирования архитектурного творчества. Среди других исследовательских линий в статье рассматриваются такие приоритетные направления, как ревизия знания о мастерах советского зодчества, изучение профессионального дискурса, международные коммуникации советской архитектуры. Относительно последней темы отмечается важность смещения акцента на понятие «культурный трансфер», предполагающее не одностороннее заимствование, а транснациональную циркуляцию идей и взаимообмен. Автор приходит к выводу, что при всем различии тематических ракурсов прослеживается общая тенденция к рассмотрению исследовательского объекта в социально-культурном контексте, в сложном процессе взаимосвязей и взаимовлияний.

Ключевые слова: советское градостроительство, советская архитектура, 1930-е — начало 1950-х годов, новые исследовательские тенденции

Благодарности. Исследование выполнено за счет средств Государственной программы фундаментальных научных исследований Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.) в рамках Плана фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2024–2026 гг.

Для цитирования: Конышева Е. В. Градостроительство и архитектура сталинской эпохи: исследовательские оптики в изданиях последних лет // Шаги /Steps. Т. 11. № 2. 2025. С. 210–223. EDN: WDUDGJ.

Поступило 9 сентября 2024 г.; принято 1 апреля 2025 г.

Shagi / Steps. Vol. 11. No. 2. 2025
Articles: Review article

E. V. Konysheva^{ab}

<https://orcid.org/0000-0001-8094-5036>

✉ e_kon@mail.ru

^a *Research Institute for the Theory and History
of Architecture and Urban Planning
(Branch of the Central Research
and Design Institute of the Ministry of Construction
of Russia) (Russia, Moscow)*

^b *Chelyabinsk State University (Russia, Chelyabinsk)*

URBAN PLANNING AND ARCHITECTURE OF THE STALIN ERA: RESEARCH OPTICS IN PUBLICATIONS OF RECENT YEARS

Abstract. The article analyzes modern trends in scientific research on Soviet urban planning and architecture of the Stalin era. The text provides a brief overview of domestic and foreign books of the last decade, which reflect current scientific approaches. The author argues that the Soviet scientific paradigm has not been replaced by a new holistic scientific concept, but there is a plurality of authors' interpretations. The research is dominated by the interdisciplinary approach, which gives impetus to the enrichment of problems, sources and research methods. The author believes that the main research trend is also a shift in optics from the object to processes and contexts, and within this framework, the topic of the relationship between the authorities and the professional community, the study of the forms and mechanisms of state regulation of architectural creativity dominates. Among other research lines, the article considers such priority areas as the revision of knowledge about the masters of Soviet architecture, the study of professional discourse, and international communications of Soviet architecture. The last topic notes the importance of shifting the emphasis to the concept of “cultural transfer”, which implies not one-sided borrowing, but transnational circulation and exchange. The author comes to the conclusion that, despite all the differences in thematic per-

spectives, there is a general tendency to consider the research object in a socio-cultural context, in a complex process of interrelations and mutual influences.

Keywords: Soviet urban planning, Soviet architecture, 1930s — early 1950s, new research trends

Acknowledgements. The research was carried out with the funds of the state program of the Russian Federation “Scientific and Technological Development of the Russian Federation” for 2021–2030 within the Plan of Fundamental Scientific Research of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences and the Ministry of Construction of Russia for 2024–2026.

To cite this article: Konyshcheva, E. V. (2025). Urban planning and architecture of the Stalin era: Research optics in publications of recent years. *Shagi / Steps*, 11(2), 210–223. EDN: WDUDGJ. (In Russian).

Received September 9, 2024; accepted April 1, 2025

Прошедшие три постсоветских десятилетия значительно изменили представления о советском градостроительстве и архитектуре сталинской эпохи. Нет оснований говорить о создании новой целостной концепции, пришедшей на смену советской научной парадигме. Сложность и многомерность общей картины не дают возможности превратить ее в стройную, логичную и непротиворечивую систему. Однако признание этого объективного факта уже можно назвать достижением нового научного знания — в противовес искусственной логике, в соответствии с которой происходит последовательная смена градостроительных подходов и архитектурных стилей. Слишком много акторов архитектурно-градостроительного процесса — институциональных и персональных, слишком объем и типологически разнообразен предмет исследования, и соответствующее этому факту многообразие исследовательских оптик формирует мозаичную картину. И если история архитектуры до XX в. — это наслаивающееся знание разных эпох, постепенно расширяющее и дополняющее общую картину, то в отношении советского периода пройден еще слишком короткий путь осмысления. Хронологическая близость исследовательского объекта создает дополнительную сложность, поскольку недавнее прошлое еще животрепещуще, а слом устоявшихся представлений и оценок воспринимается зачастую как покушение на творческие и научные авторитеты, вызывая отторжение консервативной части профессионального сообщества.

Ревизия знания о сталинской эпохе затрагивает множество аспектов, и существует широкий круг отечественных и зарубежных исследований, опирающихся на разные методологические принципы. Их систематизация и анализ — уже сейчас предмет для фундаментального исследования. В данной публикации обзорно затрагивается лишь небольшая часть изданий за последние несколько лет, их выбор обусловлен в значительной

степени профессиональными предпочтениями автора и, несомненно, представлениями о степени важности и актуальности «прицела».

Одна из ведущих современных исследовательниц советского градостроительства Ю. Л. Косенкова еще десятилетие назад сформулировала ключевые, на ее взгляд, новации в архитектуроведении [Косенкова 2014]. Прежде всего речь идет о преодолении «синдрома истощенности знаний». Это стало возможным благодаря, во-первых, расширению источниковой базы как за счет привлечения широкого круга архивных материалов, так и за счет открытия значительного регионального пласта архитектурно-градостроительных объектов. Во-вторых, речь идет о том, что благодаря расширению предмета исследований внимание сместилось с объекта как такового (вопросы «что?», «как?» и «кем?») на целеполагание (вопрос «почему?») и на управленческие механизмы организации архитектурно-градостроительной деятельности. Более пристальный и трезвый взгляд на предмет, лишенный идеологического прессинга, позволил разделить желаемое и реальное в практике советской архитектуры. Порожденная широким спектром источников и сюжетов множественность авторского видения предопределила разнообразие оптик и индивидуализированных интерпретаций общей концепции.

Практическим отражением последнего тезиса и своеобразным промежуточным итогом новых исследовательских тенденций стала двухтомная коллективная монография «Советское градостроительство. 1917–1941», созданная по инициативе и под редакцией Ю. Л. Косенковой [2018]. Академическое и фундированное издание не является при этом классическим трудом с описанными по единому шаблону периодами, формирующим цельную картину. Монография выстроена по концептуальным разделам — от градостроительной политики и методологии проектирования к реалиям градостроительной практики, от унифицирующего столичного начала к региональной специфике. Индивидуальные авторские подходы ограничены лишь заданной тематикой, но не единообразными требованиями и общностью оценок. Книга предлагает читателю особую интеллектуальную работу — самостоятельное сопоставление концепций, взглядов, интерпретаций и выводов.

Современным исследовательским трендом можно назвать смещение оптики на процессы и контексты. В том числе в последние годы среди главенствующих тем утвердилось то, что многие десятилетия представляла собой «фигуру умолчания», — формы и механизмы государственного регулирования архитектурного творчества, взаимоотношения власти и профессионального сообщества. Этот исследовательский подход, заданный в конце XX — начале XXI в. Х. Хадсоном, Б. Гройсом, В. З. Паперным, М. Г. Мееровичем, Д. С. Хмельницким, обретает новые грани и открывает новые пласты. При этом абстрактное понятие «власть» приобретает очертания вполне конкретных фигур, а политика превращается в непосредственную составляющую творческого процесса. Исследователь-

ская оптика настраивается как на макро-, так и на микроуровень — на срез персональных судеб.

В случае макроуровня значимой работой последних лет стала книга А. Н. Селивановой с характерным подзаголовком «Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР» [Селиванова 2019]. Автор пытается вскрыть причины стиливого поворота середины 1930-х годов, лежащие за пределами профессиональной сферы, и в то же время не объясняет трансформации только прямолинейным диктатом власти. Она распутывает клубок, в котором сплелись, с одной стороны, властное политико-идеологическое давление и репрессивные практики, с другой — личный профессиональный выбор, карьерные амбиции, конформизм и страх. В результате этого встречного движения были уничтожены творческая свобода и независимость архитектора, покорена профессиональная среда, деформированы критерии архитектурного качества. В этой же тематической плоскости лежит и книга американского историка архитектуры Д. Удовички-Селба, в которой анализируются сходные сюжеты и проблемы [Udovički-Selb 2022]. Утверждая, что на протяжении 1930-х годов «сохранялся дух авангарда» и звучал «ритм двух барабанщиков», автор высказывает дискуссионную мысль о том, что именно различные стиливые предпочтения на властной вершине приводили к поиску «стилевого баланса» и открывали «пространство для архитектурных экспериментов и разнообразия». Он, как и А. Н. Селиванова, подчеркивает внутрикорпоративные профессиональные, идеологические и поколенческие конфликты, активную роль самого архитектурного сообщества в процессе «сталинизации» архитектуры. Подробное рассмотрение механизма взаимодействия власти и архитектурного сообщества стало в последние годы элементом и литературы «микроуровня» — исследований творчества конкретных мастеров сталинской эпохи. В. В. Седов в биографии Бориса Иофана прямо указывает на этот аспект современного искусствоведения: «Ее (архитектуру Б. М. Иофана. — Е. К.) невозможно оторвать от политики, экономики, славы и ужаса СССР. А потому эту архитектуру необходимо рассматривать на фоне СССР, на фоне Москвы и особенностей ее тогдашней власти. Это затрудняет исследование <...>, требует постоянного балансирования между чистым искусствознанием и историей и политикой <...> Это сбивает с пути, но это же настраивает на честное рассмотрение, на трезвый взгляд, на поиски обусловленности» [Седов 2022: 5].

В целом можно говорить о ревизии знания о значимых фигурах советской архитектуры. Речь идет не только о творцах советского авангарда, которым на протяжении 1990–2000-х годов были возвращены имена и биографии, прежде всего усилиями С. О. Хан-Магомедова, но также и о мэтрах «сталинской архитектуры» — Б. М. Иофане, И. В. Жолтовском, А. В. Щусеве. Обращение именно к этим персоналиям в последние годы, безусловно, связано с юбилейными датами. Однако намечен общий тренд, который, вероятно, сохранится применительно и к иным биографическим сюжетам. Этот тренд можно обозначить тезисом, сформулированным

И. Е. Печёнкиным и О. С. Шурыгиной в их монографии об И. В. Жолтовском, — «герой между биографией и мифом» [Печенкин, Шурыгина 2023]. Или в еще более заостренной форме, предложенной Д. С. Хмельницким применительно к жизнеописаниям И. В. Жолтовского и А. В. Щусева, — «загадки» биографии и творчества [Хмельницкий 2015; Chmelnizki 2021]. Несмотря на разницу авторских подходов и оценок, объединяющим началом указанных работ является проблематизация творческого и жизненного пути архитекторов — авторы ставят под сомнение имеющееся знание, утвердившиеся трактовки и оценки, акцентируют «проблемные точки». И. Е. Печёнкин и О. С. Шурыгина выстраивают, казалось бы, традиционное биографическое повествование из последовательных жизненных этапов. Однако источниковая база, впечатляющая своим разнообразием, позволяет авторам слой за слоем снимать шелуху мифологизированной истории, рисовать подлинную картину и воссоздавать полный противоречий образ архитектора. В свою очередь, Д. С. Хмельницкий заостряет внимание только на ключевых сюжетах и противоречиях. Но в обоих случаях рассказ о персоналии включается в широкий контекст; поднимаются вопросы социального и профессионального статуса, взаимоотношений государственного заказчика и творца, возможности и степени творческой свободы, выстраивания жизненной стратегии в условиях тоталитарной системы, профессионального и личного выбора и, наконец, подлинного авторства архитектурных проектов.

Масштабная фигура всегда дает возможность не только рассмотреть ее в широком контексте, но и попытаться проделать обратный анализ — оценить влияние творческой деятельности мастера на этот контекст, на трансформацию профессиональной среды, архитектурных принципов и стилевых форм. Максимально широкий взгляд возможен скорее в рамках не биографического, а сборного исследования. Стремление объединить под «крылом» одной фигуры разные аспекты, предложить стереоскопическое изображение и тем самым сделать срез эпохи также можно назвать современным исследовательским трендом. Примером такого рода является книга о Б. М. Иофане с подзаголовком «Пути архитектуры 1920–1940-х годов» [Вяземцева и др. 2023]. Под одной обложкой собраны исследования разных авторов, анализирующих как творческий путь самого архитектора, так и более широкий круг вопросов — архитектурную среду, стилевые метаморфозы, трансграничные коммуникации. Подобного рода публикации всегда таят в себе опасность, что заглавная фигура уйдет в тень и растворится среди множества сюжетов. Однако можно говорить о все более ясно выраженном стремлении не замыкаться в научных исследованиях в рамках «монотемы» и уйти от цельного исследования-«монолита», а обратиться к полистилистике как к форме рефлексии, в большей степени соответствующей многослойности тем и образов, многообразию вертикальных и горизонтальных взаимосвязей. Это демонстрируют и исследования крупномасштабных тем, такие как упомянутое выше фундаментальное издание о советском градостроительстве, и прицельные взгляды на персоналии и стили.

Самостоятельное значение в исследованиях архитектурно-градостроительных процессов 1930—1950-х годов имеет анализ профессионального дискурса, отразившего попытку «перевода» абстрактных представлений власти об образе советского города и предпочитаемых архитектурных формах в термины профессионального языкового аппарата. Трансформация архитектурной лексики, зафиксированная не только в публикациях в прессе и публичных выступлениях, но и в теоретических трудах, несомненно, накладывала отпечаток и на речевые практики, и на профессиональную деятельность, в немалой степени сосредоточенную на вербализации образного архитектурного языка. Ключевая фигура в архитектурном дискурсе сталинской эпохи — Давид Аркин. Несмотря на то что его имя — неизменный спутник публикаций о советской архитектуре 1920—1930-х годов, Д. Е. Аркин оставался в тени исследовательского интереса до появления монографии Н. Ю. Молока [2023]¹. Автор не просто впервые реконструировал биографию Д. Е. Аркина и системно проанализировал творческие взгляды и их эволюцию от апологетики модернизма к «освоению наследия». Перед нами именно тот случай, когда контекст превращается в актора. Аркин был одним из творцов не только новой архитектурной теории и критики, но и важного рычага в механизме управления архитектурной сферой — Союза советских архитекторов, где являлся одним из видных функционеров. И этот механизм безжалостно перемолол своего создателя, превратившегося из обвинителя в обвиняемого. С документальной точностью в книге показана деформированная профессиональная среда, внутри которой морально уничтожали выбранную «жертву» при молчаливом согласии или агрессивном участии коллег, скованных страхом или использующих в карьерных интересах государственную репрессивную машину. Безусловно, глава, посвященная борьбе с космополитизмом, представляет особую ценность, поскольку этот сюжет впервые подробнейшим образом показан применительно к архитектурной сфере.

Д. Е. Аркин — блестящий знаток современной западной архитектуры и один из главных персонажей заграничных связей советской архитектуры в 1930-е годы. Можно сказать, что именно он во многом определял «международную политику» Союза архитекторов, хотя и в узких рамках возможностей, заданных политической властью. Европеизированный космополит со знанием французского, английского, немецкого и итальянского языков, корреспондент французского журнала «L'Architecture d'aujourd'hui», ученый секретарь архитектурной секции Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), главный транслятор и «переводчик» идеологии сталинской архитектуры зарубежным коллегам, он сконцентрировал в своей фигуре все парадоксы международных связей советской архитектуры 1930—1940-х годов.

Международные коммуникации советской архитектуры — еще одна из востребованных тем в исследованиях как начала XXI в. в целом, так и не-

¹ См. рецензию на книгу в этом номере журнала. — *Примеч. ред.*

скольких последних лет. Эта проблематика получила новый толчок для изучения в контексте отказа от концепции культурной автаркии СССР 1930–1950-х годов [Кларк 2018]. В общей исследовательской линии можно вычленить несколько актуальных сюжетов, обычно сосредоточенных на собственном проблемном поле и до сих пор не связанных между собой сквозными нитями.

Первый из них, имеющий достаточно длительную историю, — это использование западного опыта и непосредственное иностранное участие в советском градостроительстве и архитектуре эпохи первых пятилеток. Актуальная исследовательская потребность в рамках этой линии — выход за границы изучения творчества отдельных фигур или регионов и формирование системного взгляда. По-прежнему единственной комплексной работой, целенаправленно сосредоточенной на интернациональном взаимодействии в 1930-е годы, является немецкая коллективная монография «Градостроительство в тени Сталина: Мир в поисках социалистического города в СССР» (2003), переведенная на русский язык [Боденшатц, Пост 2015]. Ее «говорящий» подзаголовок уже сам по себе отражает стойкий миф 1920-х — начала 1930-х годов о возможности реализации в Стране Советов передовых градостроительных идей и «современной архитектуры». И в то же время в книге показана трагедия крушения этого мифа в тени сталинского тоталитаризма. Издание ценно прежде всего максимально широким охватом, взглядом «с птичьего полета». Внимание в книге фокусируется на заграничных влияниях и примерах использования западного опыта в первой половине 1930-х годов, но акцентируются только наиболее крупномасштабные градостроительные работы с участием международных сил. В свою очередь, попытка системного анализа деятельности европейских градостроителей в СССР с выявлением причин их приглашения и поставленных перед ними задач, места и роли в советской проектной системе, как и вклада в теорию и практику советского градостроения, была предпринята также автором данной статьи [Кобышева 2017]. На наш взгляд, системный подход возможен только с выходом за пределы исследования крупных фигур, с которыми связаны наиболее известные градостроительные проекты, — например, Э. Мая, Х. Майера, К. Майера — и введение в исследовательское поле максимально широкого круга имен и объектов, что открывает возможности для комплексного анализа и верифицированных выводов.

Второй, и наиболее активно эксплуатируемый сюжет, связан со стилевой проблемой — с западными влияниями и их интерпретациями в советской архитектурной практике 1930-х годов. Прежде всего речь идет об «американизмах» и советских вариациях ар-деко в творчестве конкретных архитекторов и в стилистике объектов. Редкие публикации ставят проблему шире — она становится проблемой не одностороннего восприятия, но художественного диалога. Ф. Белла, последовательно рассматривая взаимодействие сквозь призму творчества советских и американских мастеров (М. И. Мержанова, В. К. Олтаржевского, А. Н. Душкина,

Ф.-Л. Райта, А. Кана и др.), как и архитектурных событий (конкурсы на монумент Х. Колумбу, советского павильона на нью-йоркской выставке 1939 г.), анализирует специфику советского восприятия Америки. Важно, что кроме этого он показывает, как заимствованные формы возвращались на породившую их почву — уже в виде орудия пропагандистской экспансии и демонстрации советской архитектуры как «универсалистской» [Bellat 2014]. Если Ф. Белла концентрируется именно на архитектуре, хотя и в широком временном диапазоне 1930–1970-х годов, то Ж.-Л. Коэн в своей последней книге говорит о необходимости рассматривать не один «горизонт», а несколько [Cohen 2021]. В его исследовании впервые показано многообразие трансферов, от производственных технологий до искусства, а также представлены многочисленные «агенты американизма» — политики, писатели, инженеры, архитекторы и художники, отразившие свои впечатления во множестве жанров: травелогах, романах, произведениях искусства. На основе анализа этого широкого спектра материалов продемонстрирована советская специфика восприятия и интерпретации «американского».

Обе книги, и особенно книга Ж.-Л. Коэна, находятся в русле нового исследовательского подхода, который подразумевает отказ от таких терминов, как *заимствование* или *влияние*. Он предполагает заменить их понятием «культурный трансфер», в котором акцентируются транснациональная циркуляция идей и выстраивание «сетей обмена» (networks of exchange). Культурный трансфер имеет динамический характер и означает активный процесс трансформации идей, концепций и форм. Культурный обмен понимается не как процесс циркуляции объектов и идей «как они есть», но деконструкция оригинала, его реинтерпретация, переосмысление, переозначивание. Это «дорога с двусторонним движением», и такой подход меняет взгляд и на международные коммуникации с участием СССР. Западные технологии, обогащенные советским опытом, возвращались в Европу и США, стимулируя развитие новых идей и практик.

Одно из последних изданий, посвященных советско-американскому сотрудничеству межвоенного времени, носит показательное с этой точки зрения название «Детройт — Москва — Детройт» [Cohen et al 2023]. Имея подзаголовок «Архитектура для индустриализации», коллективная монография отнюдь не ограничивается взаимодействием в сфере промышленной архитектуры, а предлагает широкий спектр интерпретаций темы — каким образом технологии организации поточного производства и промышленного проектирования, рожденные в Детройте (Г. Форд, А. Кан), оказали влияние на самые разные сферы. В текстах 14 авторов анализируются не только пути и методы трансферов, перенос индустриальных технологий в проектную сферу (как промышленного, так и градостроительного проектирования), деятельность американских специалистов в СССР (показанную через документальные свидетельства и воспоминания), но и сотрудничество в процессе проектирования Дворца Советов или «американизм» в советском кинематографе 1930-х годов. Отдельно представлены и агенты коммуникаций — Н. Осинский (В. В. Оболенский), А. К. Бу-

ров, С. Г. Брон, А. Кан, И. С. Николаев. Авторы-редакторы во вступительной аналитической статье акцентируют в том числе обратный транзит «из Москвы в Детройт» — транзит градостроительных идей, принципов районной и национальной планировки, методов централизованного планирования и организации широкомасштабных инфраструктурных проектов, примененных, например, в «Новом курсе» эпохи Великой депрессии.

Одна из авторов и редакторов указанной книги, американский историк архитектуры К. Кроуфорд, подчеркнула этот аспект также в своей монографии о советском градостроительстве середины 1920-х — начала 1930-х годов [Crawford 2022]. Рассматривая советский «пространственный эксперимент» на примере проектирования и строительства трех промышленно-селитебных комплексов — «нефтяного города» Баку, «стального города» Магнитогорска и «машинного города» при Харьковском тракторном заводе, — автор формулирует одну из целей своего исследования как «развенчание мифа» о централизованном и тотальном характере советского градостроительного планирования. К. Кроуфорд описывает опытный поиск и передачу «удачных» городских моделей и стратегий проектирования от объекта к объекту. Важно отметить представление автора о советских городах как «узлах глобальной сети», внутри которой свободно циркулировали социальные, градостроительные и иные актуальные идеи, стратегии и практики. Отдельно Кроуфорд выделяет «уроки социалистического пространственного эксперимента», утверждая, что его влияние вышло далеко за пределы политических границ и фрагменты «социалистического пространства» (прежде всего организация жилой среды) были внедрены по всему миру.

Концепция культурного трансфера предполагает также пристальное изучение «агентов перемещений» — корпоративных или индивидуальных. Применительно к советской специфике особую актуальность имеет исследование превалировавших институциональных форм международных коммуникаций. Представляется важным рассматривать задачи и формы зарубежных контактов, механизмы организации коммуникаций и взаимодействия с властными инстанциями в контексте интернационального сотрудничества, тактики профессионального сообщества в условиях тотальной регламентации зарубежных связей и, конечно, личностный аспект. Осмысления требует и диссонанс дискурсов для «внешнего» и «внутреннего» употребления, порожденный провозглашенными задачами международной деятельности: расходящиеся стилевые векторы советской и западной архитектуры не должны были стать причиной международной изоляции и препятствовать укреплению связей с «передовыми течениями архитектурной мысли на Западе», изучению западной практики, обмену опытом и пропаганде достижений советского зодчества. Тема трансграничных архитектурных контактов в «зрелые» 1930-е годы столь же многогранна, сколь и малоизучена, это пока еще мозаичная картина, ожидающая системного анализа. Ее отдельные аспекты представлены преимущественно статьями или текстами в рамках коллективных монографий либо рассмотрены в контексте творческих биографий, в том числе в изданиях,

упомянутых выше. Однако обнадеживающие шаги уже сделаны — издательство музея «Гараж» в последние пять лет выпустило две монографии, посвященные интернациональным художественным связям. Если первая из них сосредоточена на бытовании западного модернистского искусства в стенах выставочного пространства Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и Эрмитажа [Лопаткина 2019], то вторая обращена непосредственно к коммуникациям советских и британских архитекторов в 1930—1960-е годы [Малич 2024]. Важно, что автор последней книги не замыкается на описании советско-английских контактов. На примере двусторонних отношений К. А. Малич анализирует общие моменты: институциональную организацию международных контактов (архитектурная секция ВОКС и английское общество культурных связей (SCR)); стилевые аспекты (с важным тезисом о том, что стилистические предпочтения интерпретировались как инструмент идеологического противостояния); техники советского гостеприимства; взаимные профессиональные интересы и, наконец, ключевые события и персоналии.

* * *

Подводя итоги вышесказанному, можно утверждать, что при всех различиях ракурсов современных исследований ясно прослеживается общая тенденция — преобладает не искусствоведческий стилевой анализ или описательно-повествовательный текст творческой биографии (хотя такие работы, безусловно, ценны и заслуживают отдельного внимания), а рассмотрение исследовательского объекта в социально-культурном контексте, в сложном процессе взаимосвязей и взаимовлияний. Одним из важнейших элементов научного поиска стало расширение источниковой базы за счет обращения к архивным документам разного типа, в том числе ведомственным, управленческим, государственно-политическим. Доминирует междисциплинарная парадигма, что дает импульс обогащению проблематики и исследовательских методов. В этом контексте необходимо указать на, вероятно, наиболее междисциплинарный по своему характеру труд, не упомянутый выше, — книгу американской исследовательницы К. Зубович о московских «высотках» [Зубович 2023]. В книге история архитектуры сплетается с социальной и городской историей; героями выступают не столько здания, сколько связанные с их строительством трансформации городского пространства, а наряду с траекториями жизни архитекторов, политических деятелей и чиновников в фокусе внимания оказываются обычные москвичи, строители, включая заключенных, будущие жители элитных новостроек и многие другие, так или иначе связанные с возведением «семи сестер». Все они получают свой голос благодаря массиву разноплановых источников, включающих и эго-документы.

Лавинообразное накопление новой фактологической информации привело к формированию многомерной картины, в рамках которой пока еще не вырисовывается системное знание. Авторский нарратив тоже может быть подвергнут сомнению: нельзя назвать случайным новый тренд —

публикацию документальных приложений к монографическим исследованиям. Авторы дают читателю возможность сформировать собственное видение и тем самым еще больше множат интерпретационный ряд. На примере истории советской архитектуры мы можем видеть, как и в других гуманитарных науках, распад «единства знания», и на современном этапе вряд ли есть возможность преодоления этой дискретности. Расширившаяся фактологическая база и отказ от самоцензуры в темах, трактовках и оценках разрушили сложившийся за десятилетия мифологизированный образ советской архитектуры. Конечно, авторская оптика может формировать искаженную субъективным видением картину, а на месте одного мифа может быть создан другой. Но, несмотря на то что некоторые интерпретации и выводы в современных исследованиях представляются спорными, в архитектуроведческой науке очевидна общая направленность на ревизию устоявшихся концепций и оценок, на поиск «новой правды». Важно также отметить и близость исследовательских направлений современных отечественных и зарубежных авторов. Открывшийся на рубеже 1990–2000-х годов доступ к зарубежным публикациям и широкое проникновение западных методологических подходов, несомненно, способствовали обновлению российского архитектуроведения и формированию общего тематического и методологического поля. Сегодня можно говорить о взаимном обогащении и о диалоге коллег, говорящих на одном профессиональном языке, даже если существуют концептуальные или оценочные разногласия. В подобном диалоге (очном и заочном) также видится залог перманентного обновления знания и создания правдивой картины истории советского градостроительства и архитектуры.

Литература

- Боденшатц, Пост 2015 — Градостроительство в тени Сталина: Мир в поисках социалистического города в СССР / [Пер. с нем. Е. Ефимовой, О. Титовой]; Под ред. Х. Боденшатца, К. Пост. Berlin: Verlagshaus Braun; SCIO Media, 2015.
- Вяземцева и др. 2023 — Борис Иофан. Пути архитектуры 1920–1940-х годов: К 130-летию архитектора / Авт.-сост. А. Г. Вяземцева, С. Гесслер, К. А. Малич, И. Е. Печёнкин. М.: Кучково поле Музеон, 2023.
- Зубович 2023 — *Зубович К.* Москва монументальная: Высотки и городская жизнь в эпоху сталинизма / Пер. с англ. Т. Азаркович. М.: АСТ; Corpus, 2023.
- Кларк 2018 — *Кларк К.* Москва, четвертый Рим: Сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941) / Пер. с англ. А. Гавриковой, А. Фоменко. М.: Нов. лит. обозрение, 2018.
- Конишева 2017 — *Конишева Е. В.* Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток. М.: БуксМарт, 2017.
- Косенкова 2014 — *Косенкова Ю. Л.* Четверть века изучения истории архитектуры советского периода. Что изменилось? // Academia. Архитектура и строительство. 2014. № 3. С. 10–14.
- Косенкова 2018 — Советское градостроительство. 1917–1941: [В 2 кн.] / [Под ред. Ю. Л. Косенковой]. М.: Прогресс-Традиция, 2018.

- Лопаткина 2019 — *Лопаткина К.* Бастарды культурных связей: Интернациональные художественные контакты СССР в 1920–1950-е годы. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2019.
- Малич 2024 — *Малич К.* «Пришел, увидел — побежден!» Советские и британские архитекторы в 1930–1960-е годы. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2024.
- Молок 2023 — *Молок Н.* Давид Аркин: «идеолог космополитизма» в архитектуре. М.: Нов. лит. обозрение, 2023.
- Печенкин, Шурыгина 2023 — *Печенкин И., Шурыгина О.* Иван Жолтовский. Опыт жизнеописания советского архитектора. М.: Нов. лит. обозрение, 2023.
- Седов 2022 — *Седов В.* Архитектор Борис Иофан. М.: Кучково поле Музеон, 2022.
- Селиванова 2019 — *Селиванова А. Н.* Постконструктивизм: Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. М.: БуксМарт, 2019.
- Хмельницкий 2015 — *Хмельницкий Д.* Иван Жолтовский. Архитектор советского палладианства / При участии А. В. Фирсовой. Берлин: DOM Publishers, 2015.
- Bellat 2014 — *Bellat F.* Amériques-URSS: architectures du défi. Paris: Éditions Nicolas Chaudun, 2014.
- Chmelnizki 2021 — *Chmelnizki D.* Alexey Shchusev. Architect of Stalin's empire style. Berlin: DOM Publishers, 2021.
- Cohen 2021 — *Cohen J.-L.* Building a new New World: Amerikanizm in Russian architecture. Montréal, Canadian Center for Architecture, 2021.
- Cohen et al 2023 — Detroit–Moscow–Detroit: An architecture for industrialization, 1917–1945 / Ed. by J.-L. Cohen, C. Crawford, C. Zimmerman. Cambridge: The MIT Press, 2023.
- Crawford 2022 — *Crawford Ch. E.* Spatial revolution: Architecture and planning in the early Soviet Union. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2022.
- Udovički-Selb 2022 — *Udovički-Selb D.* Soviet architectural Avant-gardes: Architecture and Stalin's revolution from above, 1928–1938. London [etc.]: Bloomsbury Visual Arts, 2022.

References

- Bellat, F. (2014). *Amériques-URSS: architectures du défi*. Éditions Nicolas Chaudun.
- Bodenschatz, H., & Post, C. (2003). *Städtebau im Schatten Stalins: Die internationale Suche nach der sozialistischen Stadt in der Sowjetunion 1929–1935*. Verlagshaus Braun.
- Chmelnizki, D. (2021). *Alexey Shchusev. Architect of Stalin's empire style*. DOM Publishers.
- Clark, K. (2011). *Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, cosmopolitanism and the evolution of Soviet culture, 1931–1941*. Harvard Univ. Press.
- Cohen, J.-L. (2021). *Building a new New World: Amerikanizm in Russian architecture*. Canadian Center for Architecture.
- Cohen, J.-L., Crawford, C., & Zimmerman, C. (Eds.) (2023). *Detroit–Moscow–Detroit: An architecture for industrialization, 1917–1945*. The MIT Press.
- Crawford, Ch.E. (2022). *Spatial revolution: Architecture and planning in the early Soviet Union*. Cornell Univ. Press.
- Khmel'nitsky, D. (2015). *Ivan Zholtovskii. Arkhitektor sovetskogo palladianstva* [Ivan Zholtovsky. Architect of Soviet Palladianism]. DOM Publishers. (In Russian).
- Konysheva, E. V. (2017). *Evropeiskie arkhitektory v sovetskom gradostroitel'stve epokhi pervykh piatiletok* [European architects in Soviet urban development during the first five-year plans]. BuksMart. (In Russian).
- Kosenkova, Yu. L. (2014). Chetvert' veka izucheniia istorii arkhitektury sovetskogo perioda. Chto izmenilos'? [A quarter of a century of studying the history of Soviet architecture under new conditions. What has changed?]. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*, 2014(3), 10–14. (In Russian).

- Kosenkova, Yu. L. (Ed.) (2018). *Sovetskoe gradostroitel'stvo. 1917–1941* [Soviet urban development. 1917–1941] (2 Vols.). Progress-Traditsiia. (In Russian).
- Lopatkina, K. (2019). *Bastardy kul'turnykh svyazei: Internatsional'nye khudozhestvennye kontakty SSSR v 1920–1950-e gody* [Bastards of cultural ties: International artistic contacts of the USSR in the 1920s–1950s]. Muzei sovremennogo iskusstva “Garazh”. (In Russian).
- Malich, K. (2024). “Prishel, uvidel — pobezhden!” *Sovetskie i britanskije arkhitektory v 1930–1960-e gody* [“Came, saw, conquered!” Soviet and British architects in the 1930s–1960s]. Muzei sovremennogo iskusstva “Garazh”. (In Russian).
- Molok, N. (2023). *David Arkin: “ideolog kosmopolitizma” v arkhitekture* [David Arkin: “ideologist of cosmopolitanism” in architecture]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Pechenkin, I., & Shurygina, O. (2023). *Ivan Zholtovskii. Opyt zhizneopisaniia sovetskogo arkhitekтора* [Ivan Zholtovsky. An attempt at a biography of a Soviet architect]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Sedov, V. (2022). *Arkhitektor Boris Iofan* [Architect Boris Iofan]. Kuchkovo pole Muzeon. (In Russian).
- Selivanova, A. N. (2019). *Postkonstruktivizm: Vlast' i arkhitektura v 1930-e gody v SSSR* [Post-constructivism: Power and architecture in the 1930s in the USSR]. BuksMart. (In Russian).
- Udovički-Selb, D. (2022). *Soviet architectural Avant-gardes: Architecture and Stalin's revolution from above, 1928–1938*. Bloomsbury Visual Arts.
- Vyazemtseva, A. G., Gessler, S., Malich, K. A., & Pechenkin, I. E. (Eds.) (2023). *Boris Iofan. Puti arkhitektury 1920–1940-kh godov: K 130-letiiu arkhitekтора* [Boris Iofan. The paths of architecture of the 1920s–1940s: For 130 Years of the Architect]. Kuchkovo pole Muzeon. (In Russian).
- Zubovich, K. (2020). *Moscow monumental: Soviet skyscrapers and urban life in Stalin's capital*. Princeton Univ. Press.

Информация об авторе

Евгения Владимировна Конышева
кандидат искусствоведения
ведущий научный сотрудник, отдел
истории архитектуры
и градостроительства Новейшего
времени, Научно-исследовательский
институт теории и истории
архитектуры и градостроительства
(филиал Центрального научно-
исследовательского института
и проектного института
Министерства строительства
и жилищно-коммунального хозяйства
Российской Федерации)
Россия, 119331, Москва,
пр-т Вернадского, д. 29
доцент, кафедра истории России и
зарубежных стран, Челябинский
государственный университет
Россия, 454084, Челябинск,
пр-т Победы, д. 162в
✉ e_kon@mail.ru

Information about the author

Evgeniya Vladimirovna Konysheva
Cand. Sci. (Art History)
Leading Researcher, Department
of History of Architecture and Urban
Development of Modern Times, Research
Institute for the Theory
and History of Architecture and Urban
Planning (Branch of the Central Research
and Design Institute of the Ministry
of Construction of Russia) Russia,
119331, Moscow,
Prospekt Vernadskogo, 29
Associate Professor, Department
of History of Russia and Foreign
Countries, Chelyabinsk State University
Russia, 454084, Chelyabinsk,
Prospekt Pobedy, 162v
✉ e_kon@mail.ru